

ИНТЕРВЬЮ С ПСИХОЛОГОМ

ЛИАНА
АЛАВЕРДОВА

Вот уже третий год поэт Ирина Машинская, руководитель издательства «Столвет», проводит серию встреч с поэтами, представителями самых разных профессий. Серия называется Slash, то есть косая черточка, обозначающая не столько границу между словами, сколько их связь. Встречи проходят при поддержке Russian American Cultural Center в Нью-Йорке, на знаменитой Пятой Авеню, в русском книжном магазине №21. На этот раз были приглашены поэты/психологи-социальные работники: Дана Голина, Марина Темкина, Анна Хальберштадт. После встречи я задала несколько вопросов Family Therapist Анне Хальберштадт, много лет проработавшей в США с русскими эмигрантами. Она автор многочисленных научных исследований на тему эмиграции.

Когда-то Вы написали: «Если наш эмигрант придет ко мне в офис и ни на что не будет жаловаться, его надо госпитализировать. Если он будет жаловаться на все остальное, я пойму, что он в порядке». Вы по-прежнему считаете, что наши люди нытики и маловеры по сравнению с американцами?

Вы ссылаетесь на мое интервью в книге Noonday demon, книге о депрессии. Когда я только приехала в Америку, психолог Миша Киссин, сказал: «Самое сложное – это когда все улыбаются. У начальницы сломана рука. На вопрос о самочувствии она отвечает: Fine. В России мы привыкли к тому, что при встрече на собеседника выплескивается весь негатив. Здесь же следуют англо-саксонской традиции, стремясь «сохранить лицо». Приноравливались ли наши люди? Работающие в американской среде перестраиваются. Если вы живете в русском окружении, то ничего не меняется.

Марина Темкина прочла стихотворение о том, как буквально всех нас в детстве запугивали разными нежелательными перспективами. «Нас пугали: / Не будешь есть, не вырастешь, останешься маленьким, / все будут над тобой смеяться... / не будешь слушаться, посадят в чулан, там мыши...», и так далее. Нельзя не согласиться с таким взглядом на традиционную ментальность выходцев из России. А каково Ваше мнение?

Наши еврей-иммигранты стараются оградить детей и внуков от всего плохого. Они пережили погромы, Холокост. Я родом из Литвы. Там не было ни одной семьи, которая не пострадала бы. Кстати, в Советском Союзе Холокост не имел даже названия, о нем не говорили. Дети людей, переживших войну, несут эту ношу.

Отговариваете ли Вы родителей от такого подхода?

Задача психолога не отговаривать, а предупреждать родителей о последствиях слишком назойливой опеки. Я спрашиваю: «Хотят ли они вырастить человека, который будет стоять на своих ногах или который будет всего бояться?» У меня была пациентка, девушка, страдающая боязнью толпы. Она не могла пользоваться общественным транспортом. Когда она впервые вышла из дома, чтобы поехать на автобусе, ее отец выбежал на улицу в кальсонах, чтобы оградить дочку от потрясения. Получается, что родителям необходима была ее зависимость от них. Многие родители чувствуют так свою нужность.

Часто слышишь отзывы от том или другом соотечественнике, что он или она «opinionated», «judgmental», то есть наши люди тверды и зачастую предвзяты в своих мнениях о людях и об окружающей действительности. Не результат ли это возвращения «особой породы людей» за железным занавесом?

Зрелая личность осознает сложность другого человека, с кем имеет дело. Наши люди гордятся своей принципиальностью. Однако часто за ней скрывается жесткость, негибкость, недальновидность. Конечно, существуют законченные злодеи, социопаты, но это редкость. Один из характерных моментов для наших людей – амбивалентное отношение к государству. Выходцы из СССР не любили государство, точнее, его бюрократический аппарат. Но при всей нелюбви к государству и бюрократии, у наших – привычка, привезенная в эмиграцию, – задабривать чиновников, встречающихся на пути, от врачей до социального работника.

Какие еще особенности нашей ментальности, отличающейся от американской, Вы могли бы отметить?

Другие семейные отношения. У нас семья 3-этажная, где дедушки и бабушки также участвуют в воспитании детей, и в результате ребенок мечется между бабушкой и мамой. Вы редко встретите американские, не эмигрантские семьи, где в одном доме живут три-четыре поколения. Наши люди

привыкли к рабочей стабильности. Если вы проработали на заводе тридцать пять лет, то вы этим гордились. Здесь же, если вы работаете на одном и том же месте и не растете по службе, то на вас будут смотреть как на идиота. Там, если кто-то встречался то с одной девушкой, то с другой, то на него смотрели, как на изменника. Здесь же dating ни к чему не обязывает: молодые люди присматриваются друг к другу, не уверены, что им понравится быть вместе.

У наших иммигрантов существует большая степень инертности и стигматизации в отношении психологической помощи. Люди избегают по тем или иным причинам пользоваться услугами психологов, обращаются только при самой крайней необходимости.

Не могу отрицать того, что Вы сказали, хотя надо отметить, что клиники полны русскими иммигрантами. Чем объяснить? Повышенный уровень депрессии, семейных проблем, пережитые травмы. Два слоя населения, которые наиболее сложны, – это подростки и пожилые люди. Внуки отдаляются от бабушек и бабушкиных котлет. Люди, которые говорили, что приехали сюда ради детей и внуков, чувствуют себя одинокими. Я сотрудничаю с Центром по трудоустройству иммигрантов в Бруклине, Jewish Community House of Bensonhurst. Нами была создана программа по психологической поддержке иммигрантов. Иммигранту для успешного трудоустройства необходима психологическая поддержка, и прежде всего в семье.

На встрече прозвучало мнение, что наши люди не могут или не хотят, а скорее всего, не приучены говорить о своих чувствах. Американцев приучают признавать ценность любых чувств, даже беспочвенных и вздорных, и таким образом проявлять эмпатию.

Главная проблема не в том, что чувства не выражают, а в том, что не приучены брать ответственность за то, какой эффект выраженные чувства оказывают на человека, в отношении которого они высказываются. К примеру, мать волнуется, что дочь не позвонила ей, когда возвращалась поздно вечером. «Я не могла спать, у меня болело сердце». Тем самым мать навязывает своей дочери чувство вины, куда она попадает, как в ловушку. Всегда ли мы задумываемся, как выраженные чувства влияют на другого человека?

Во время встречи я задала вопрос о том, насколько представители

Анна Хальберштадт

Вашей профессии нуждаются в психологической помощи. Занимаются ли психологи самолечением или обращаются к коллегам?

Любому психологу, который хочет быть полноценным представителем своей профессии, надо пройти психотерапию. Когда вы побывали пациентом, вы лучше понимаете, что испытывают ваши пациенты. Это болезненный процесс, как лечить зубы. Помимо всего прочего – мы все люди, и многим из нас поход к психологу необходим.

В любой профессии бывает определенный процент брака. Бывают ли случаи неправомерного ущерба? Были ли у Вас случаи в практике, когда промедление в этом деле дорого обошлось пациенту? Могли бы Вы привести примеры?

Были случаи, когда в Америке стали практиковать недоучившиеся недобросовестные психологи из Союза, кое у кого были липовые дипломы. Самый большой «брак» – потеря человека. Однажды в клинику пришла мать девочки, у которой была тяжелая депрессия. Попала к русскоязычному психологу. Та расценила состояние девочки как недостаточно серьезное, предложила какие-то меры, явно недостаточные. Девочка бросилась под поезд. Или русскоязычный психолог говорил маме, что мальчика надо наказывать. В результате мальчик стал заикаться. Вовсе не грех поинтересоваться, прежде чем вы попадете на прием к врачу, какой у него диплом, где он учился, где стажировался.

Что Вам дает поэзия? Антидепрессант, потребность выговориться вместо того, чтобы пойти самой к психологу?

Трудно сказать... Понимать поэзию как антидепрессант можно, вероятно, только в узком смысле. Наверное, потребность в креативности, желание выговориться...

Успехов Вам, Анна, в поэзии и в работе!

ГОСТИНАЯ

Вот уже третий год Ирина Машинская, руководитель издательства "Стоквет", а также журналов "Стороны света" и Cardinal Point Journal проводит серию встреч с поэтами, представителями самых разных профессий. Серия называется Slash, то есть буквально косая черточка, обозначающая не столько границу между словами, сколько их связь. Встречи проходят при поддержке Russian American Cultural Center, или RACC, в Нью-Йорке, на знаменитой Пятой авеню, куда, кто б мог подумать, тоже проникли "эти русские". А как же без них? Были встречи с библиотекарями, переводчиками, врачами, учителями. На этот раз были приглашены поэты/психологи-социальные работники. Встречу открыла руководитель

Анна Хальберштадт

ВСТРЕЧА С ПСИХОЛОГОМ

Идея этого интервью возникла спонтанно, после встречи в русском книжном магазине №21 с поэтами/психологами. Но расскажу по порядку.

ница Центра Регина Хидекель. Выступавшие Дана Голина, Марина Темкина и Анна Хальберштадт читали стихи совершенно разные по стилю и даже на разных языках (стихи Анны были написаны и прочитаны по-английски). Тем не менее, то ли в результате сознательного выбора, то ли нет, но в стихах чувствовалась психологическая тематика. Поэтические сны, в которых пыталась разобраться Дана Голина (с помощью Фрейда или без, о том не нам судить), перемежались с легко узнаваемой психологической зарисовкой Марины Темкиной или картинками из жизни, вернее, трудовой деятельности психолога и социального работника Family Therapist Анны Хальберштадт. После встречи я задала несколько вопросов Анне Хальберштадт, выпускнице психологического факультета МГУ, много лет проработавшей в США с русскими эмигрантами, автору многочисленных научных исследований на тему эмиграции и адаптации эмигрантов из страны Советии к жизни в США.

- Когда-то вы написали: "Если наш эмигрант придет ко мне в офис и ни на что не будет жаловаться, его надо госпитализировать. Если он будет жаловаться на все остальное, я пойму, что он в порядке. Только если он проявит признаки паранойи или особо острой боли, я приду к заключению, что он находится в депрессии. На вопрос "Как дела?" наши часто отвечают: "Ничего хорошего" - это наша норма. наших людей приводит в замешательство американский стандартный ответ на вопрос о том, как дела - "Fine". Какой там "Fine"? Вы по-прежнему считаете, что наши люди нытики и маловееры по сравнению с американцами?

- Вы ссылаетесь на интервью в книге "The Noonday Demon: An Atlas of Depression", где автор, Эндрю Соломон, приводит мое высказывание. Когда я приехала в Америку и только начинала работать, знакомый психолог Миша Киссин, помнится, сказал: "Са-

мое сложное - это когда все улыбаются. У начальницы сломана рука. На вопрос о самочувствии она отвечает: "Fine". В России мы привыкли к тому, что при встрече на собеседника выплескивается весь негатив. Здесь же следуют англо-саксонской традиции, стремясь "сохранить лицо" и не теряя мужество в самых разнообразных ситуациях. Приноровались ли наши люди? Работающие в американской среде перестраиваются. Если вы живете в русском окружении, то ничего не меняется, как у испаноязычных иммигрантов в Гарлеме, которые английским или владеют слабо, или вообще не владеют. Интересно отношение к культурной адаптации у подростков. Я когда-то писала на эту тему вместе с Мариной Елагинной. Подростки либо хотят быть "как все", то есть ничем не выделяться среди толпы сверстников в плане культурной самоидентификации, либо якшаются только с русскими сверстниками.

- Марина Темкина, если вы помните, прочла стихотворение о том, как буквально всех нас в детстве на случай непослушания запугивали разными нехорошими перспективами. "Нас пугали:/ Не будешь есть, не вырастешь, останешься маленьким, все будут над тобой смеяться.../не будешь слушаться, посадят в чулан, там мыши..." и далее в том же духе. Стихотворение очень точное, нельзя не согласиться с таким взглядом на традиционную ментальность выходцев из России. Согласны ли вы с таким взглядом?

- Наши еврей-иммигранты стараются оградить детей и внуков от всего плохого, overprotective. Они пережили погромы, Холокост. Я родом из Литвы. Так вот, там не было ни одной семьи, которая не пострадала бы. Кстати, когда мы росли в Союзе, Хо-

локост не имел даже названия, о нем не говорили. Дети людей, переживших войну, несут эту ношу. Хотят компенсировать через своих детей то, что сами недополучили в детстве.

- Отговариваете ли вы родителей от такого подхода?

- Задача психолога не отговаривать, а предупреждать родителей о последствиях слишком назойливой опеки с их стороны. Я спрашиваю: "Хотят ли они вырастить человека, который будет стоять на своих ногах? Или человека, который будет всего бояться?"

Когда-то у меня была пациентка, девушка, страдающая агорафобией, то есть боязнью толпы. Этот страх выражался в том, что она не могла пользоваться общественным транспортом. Так вот, когда она впервые вышла из дома, чтобы поехать на автобусе, ее отец выбежал на улицу в кальсонах, чтобы оградить дочку от страшного потрясения. Получается, что родителям необходима была ее зависимость от них. Многие родители чувствуют так свою нужность. Вы редко встретите американские, не эмигрантские семьи, где в одном доме живут три-четыре поколения. Здесь такая внутрисемейная зависимость друг от друга считается аномалией. Во многих случаях, устав от такого тесного сожительства, не успев приехать в Америку, эмигрантские семьи "разбежались". Семья сына или дочери снимала себе новое жилье, а стариков оставляли жить одних.

- Мне думается, что наши люди судят обо всем гораздо категоричнее, чем американцы. Часто слышишь отзывы о том или другом соотечественнике, что он или она "opinionated", "judgmental", даже "biased", то есть тверды и зачастую предвзяты в своих мнениях о людях и об окружающей действительности. Мне представляется, что это свидетельство оторванности от западных традиций, результат взращивания "особой породы людей" за железным занавесом. Насколько вы разделяете это мнение?

- Американские психологи любят говорить о splitting - расщеплении на черное и белое. Как у детей, которые, не получив того, чего хотят, говорят: "Мама плохая", а через минуту - "Мама хорошая". Предполагается, что зрелая личность осознает сложность другой личности, с кем имеет дело. У наших людей нередки высказывания типа: "Я дружила семнадцать лет с человеком, а он оказался подлецом". Люди гордятся своей принципиальностью. Но часто за ней скрывается жестокость, негибкость, недальновидность. Далеко от американской толерантности. Конечно, существуют законченные злодеи, социопаты, но это редкость. Когда хлынула последняя волна нашей эмиграции, американские психологи нередко описывали наших людей как требовательных, капризных, инфантильных, укладывающихся в рамки душевного расстройства Borderline Personality Disorder. Я выступила против такого подхода. То, что выделяли психологи, наверное, можно отнести к феномену Homo Sovieticus, вперные обозначенном Александром Зиновьевым.

Один из характерных моментов для наших людей - амбивалентное отношение к государству. Наши люди не

любили государство, точнее, его бюрократический аппарат. Оно было для них не матерью, но мачехой... При всей нелюбви к государству и бюрократии, у наших - привычка задабривать чиновников, встречающихся на пути, от врачей до социального работника. Эти же навыки были привезены в эмиграцию. Люди привыкли к черному рынку, бартеру, к тому, что все делается по блату. Человек, приехавший в США, тоже считал, что надо нести деньги в конверте лицам, от которых что-то зависит, что все от него чего-то ждут. С одной стороны, вы ненавидите власти и бюрократию, с другой - ожидаете, что о вас будут заботиться.

- Какие еще особенности нашей ментальности, отличающейся от американской, вы могли бы отметить?

- Другие семейные отношения. У нас семья трехэтажная, где дедушки и бабушки также участвуют в воспитании детей, и в результате ребенок мечется между бабушкой и мамой. Наши люди привыкли к рабочей стабильности. Если вы проработали на заводе тридцать пять лет, то вы этим гордились. Здесь же, если вы работаете на одном и том же месте и не растете по службе, то на вас будут смотреть как на идиота.

Там, если кто-то встречался то с одной девушкой, то с другой, то на него смотрели, как на изменника. Здесь же dating ни к чему не обязывает: молодые люди присматриваются друг к другу, не уверены, что им понравится быть вместе. Отношения boyfriend, girlfriend - уже моногамные, предполагается взаимное обязательство верности.

- Как известно, в Советском Союзе, где применялась карательная психиатрия для борьбы с инакомыслящими, массовая психологическая практика работы с населением, в отличие от стран Запада, практически отсутствовала. Теперь, когда в Америку хлынул поток русской эмиграции, очередная волна, возросло число людей, пользующихся помощью психолога или социального работника. И все же, мне представляется, есть большая степень инертности и стигматизации в отношении психологической помощи. Люди избегают по тем или иным причинам пользоваться услугами психологов, обращаются только при самой крайней необходимости.

- Не могу отрицать то, что вы сказали, хотя надо отметить, что клиники полны русскими иммигрантами. С чем это связано? Повышенный уровень депрессии, семейных проблем, пережитые травмы. Два слоя населения, которые наиболее сложны, - это подростки и пожилые люди. Внуки отдаляются от бабушек и бабушкиных котлет. Люди, которые говорили, что приехали сюда ради детей и внуков, чувствуют себя одиночками. Были семьи, которые, приехав сюда, селились на первых порах в отеле. Некоторые дети тут же заявляли, что жить вместе не будут, оставляли своих бабушек в отеле и уезжали. Но это, конечно, крайние случаи. Я сотрудничаю с Центром по трудоустройству иммигрантов в Бруклине, Jewish Community House of Bensonhurst. Нами была создана программа по психологической поддержке иммиг-

ГОСТИНАЯ

рантов. Иммигранту для успешного трудоустройства необходима психологическая поддержка, и прежде всего в семье. В самые первые годы эмиграции, которые, как известно, самые сложные или в период экономического кризиса, когда многие теряли работу, проблемы трудоустройства переживаются особенно остро.

- Что самое нелегкое в работе психолога? Что вы захотели бы изменить в своей работе, если бы это было в ваших силах?

- Я люблю свою работу. Если вы профессионал, вам не мешает погруженность в чужие проблемы, вы делаете полезное дело. Не люблю иметь дело с бюрократией, компаниями, которые решают, сколько визитов должно быть отпущено тому или иному пациенту, хотя не имеют представления о том, насколько ему нужны эти визиты. Они ни на стороне врача, ни на стороне пациента. Их цель - получение прибыли, этикие кровососы, причем бесконтрольные. Хотелось бы видеть более рациональную систему.

- На встрече прозвучало мнение, что наши люди не могут или не хотят, а скорее всего, не приучены говорить о своих чувствах. Вы с этим сталкивались на практике, что служило препятствием в работе. И еще одна особенность была выделена: "наши" реагируют на чьи-то жалобы через советы, попреки, порицание. Американцев приучают признавать ценность любых чувств, даже беспочвенных и вздорных, то есть проявлять эмпатию через признание самого их наличия, то есть acknowledge. Хотите добавить что-то еще, характерное для психологии наших людей?

- Не вполне с вами согласна. Главная проблема не в том, что чувства не выражают, а в том, что не приучены брать ответственность за то, какой эффект выраженные чувства оказывают на человека, в отношении которого они высказываются. К примеру, мать волнуется, что дочь не позвонила ей, когда возвращалась поздно вечером. "Я не могла спать, у меня болело сердце". Знакомо, не правда ли? С другой стороны, тем самым мать навязывает своей дочери чувство вины, куда она попадает, как в ловушку. Так называемый guilt trip. Всегда ли мы задумываемся, как выраженные чувства влияют на другого человека?

- Во время встречи я задала вопрос о том, насколько представители вашей профессии нуждаются в психологической помощи. Занимаются ли психологи самолечением или обращаются к коллегам?

- Любому психологу, который хочет быть полноценным представителем своей профессии, надо пройти психотерапию. Это принято в США и вполне оправдано. Необходимо побывать, как здесь говорят, "в чужих туфлях", то есть почувствовать на себе, каково быть пациентом, пришедшему на встречу с психотерапевтом. Когда вы побывали пациентом, вы лучше понимаете, что испытыва-

ют ваши пациенты. Это болезненный процесс, как лечить зубы. Помимо всего прочего - мы все люди, и многим из нас поход к психологу необходим.

- В любой профессии бывает определенный процент брака. Бывают ли случаи непоправимого ущерба? Были ли у вас случаи в практике, когда промедление в этом деле дорого обошлось пациенту? Могли бы вы привести примеры?

- Были случаи, когда в Америке стали практиковать недоучившиеся недобросовестные психологи из Союза, кое у кого были липовые дипломы, для кого-то засчитывался жизненный опыт, когда оценивали их дипломы. Самый большой "брак" - потеря человека. Однажды в клинику пришла мать девочки, у которой была тяжелая депрессия. Попала к русскоязычному психологу. Та расценила состояние девочки как недостаточно серьезное, предложила какие-то меры, явно недостаточные. Девочка бросилась под поезд. Или русскоязычный психолог говорил маме, что мальчика надо наказывать. В результате мальчик стал заикаться. Мы живем в Америке, и вовсе не грех поинтересоваться, прежде чем вы попадете на прием к врачу, какой у него диплом, где он учился, где стажировался. Не надо обращать внимания на рекламу. Как правило, чем больше некто себя рекламирует, тем хуже он как специалист. Лучше идти на прием к врачу по совету друга, пациента.

- Применимо ли к психологии то, что у врачей других специальностей называется нетрадиционной медициной?

- Смотри о каких методах идет речь. Гипноз, например, применяется при лечении от курения. Технику расслабления и дыхания, взятую у його, полезно знать врачам и пациентам.

- Ваша вторая фамилия Комар. Вы супруга известного художника Виталия Комара. В какой мере вам помогает ваша специальность психолога в повседневной жизни и налаживании отношений в собственной семье? Ведь быть женой художника, судя по тому, что мы знаем, дело очень непростое.

- Мы вместе почти 25 лет. Еще до встречи со мной мой муж читал Фрейда, Юнга и в психологии ориентировался неплохо. Что касается меня, то я люблю визуальное искусство, когда-то училась рисовать. В моей родне были архитекторы со стороны отца. Люблю ходить по выставкам, музеям, антикварным лавкам. В русской традиции жена художника - не только его Муза, но еще и няня, мама. Муж мой понял сразу, что мне необходимо быть самостоятельным профессионалом, необходимо иметь свои интересы, и он уважает это мое стремление.

- Что вам дает поэзия? Антидепрессант, потребность выговориться вместо того, чтобы пойти самой к психологу?

- Трудно сказать... Понимать поэзию как антидепрессант можно, вероятно, только в узком смысле. Наверное, потребность в креативности, желание выговориться...

- Успехов вам, Анна, в поэзии и в работе!

Лиана АЛАВЕРДОВА

Вас беспокоят такие симптомы, как:

- Болезненные варикозные вены
- Боль в ногах
- Зуд и жжение
- Судороги и боли
- Тяжесть и отеки ног
- Изменения цвета кожи
- Язвы, тромбоз, кровотечения

У вас может быть заболевание вен! USA Vein Clinics поможет!

Навсегда избавиться от болезненных варикозных вен вам поможет новая нехирургическая процедура EVLT - внутривенная лазерная терапия, одобренная FDA.

EVLT занимает всего 15 минут и покрывается Medicare и большинством других страховок.

Нужно ли постоянно страдать от варикозных вен? НЕТ!

Навсегда избавиться от венозной недостаточности вам поможет новая нехирургическая процедура - Внутривенная Лазерная Терапия (EVLT), рекомендованная FDA.

Это больно? НЕТ!

Низко-энергетический лазер практически не чувствителен.

Это быстро? ДА!

Процедура в нашем офисе занимает всего несколько минут. Вы сможете вернуться к своему обычному образу жизни сразу после лечения.

Как назначить визит к врачу?

Звоните нам в любое время чтобы назначить консультацию в удобно расположенный для вас офис.

К сведению: Д-р Ян Кацнельсон, основатель USA Vein Clinics, специализировался в сердечно-сосудистой хирургии в Brigham and Women's Hospital, Harvard Medical School (Boston, MA) преподавал и оперировал на факультете сердечной хирургии в University of Chicago Hospitals.

Д-р Ян Кацнельсон был самым молодым хирургом в Израиле, проводившим операции на сердце.

Он спас тысячи жизней, и доверяя свое здоровье доктору Кацнельсону, вы можете быть уверены, что ваше здоровье в надежных руках.

USA Vein Clinics единственная клиника по лечению вен с офисами от Нью-Йорка до Калифорнии, неоднократно названа лучшей клиникой.

(646) 506-9356 • www.usaveinclinics.com

New York:
1153 First Avenue, Manhattan, NY 10065
2511 Ocean Ave, Ste 102, Brooklyn, NY 11229
2444 86th St, Ste A, Bensonhurst, NY 11214
116-02 Queens Blvd, Forest Hills, NY 11375

New Jersey:
766 Shrewsbury Ave, Ste 300, Tinton Falls, NJ 07724

Pennsylvania:
8352 Bustleton Ave, Philadelphia, PA 19152

Massachusetts:
1208B VFW Parkway, Ste 300, West Roxbury, MA 02132
121 Broad Street, Lynn, MA 01902

California:
7901 Santa Monica Blvd, Ste 209, West Hollywood, CA 90046
12840 Riverside Drive, Ste 300, Valley Village, CA 91607

Illinois:
3927 W. Belmont Ave, Ste 103, Chicago, IL 60618
6415 West Archer Ave, Chicago, IL 60638
4141 Dundee Road, Northbrook, IL 60062
800 Biesterfeld Road, Suite 201, Elk Grove Village, IL 60007

USA Vein Clinics